

Ольга Ткачева

Я ПРОДОЛЖАЮ ЖИТЬ!

История мальчика из детского хосписа
Основано на реальных событиях

Ольга Ткачева

Я продолжаю жить!

«Издательские решения»

Ткачева О.

Я продолжаю жить! / О. Ткачева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516217-5

Вы знаете, детей из хосписа принято жалеть. Многие, кто приходят туда, боятся посмотреть нам в глаза, потому что страшатся увидеть боль и ожидание смерти. Я ее не ждал, я жил. Я знал, что жизнь моя продолжится, просто в другом мире, вернее сразу в двух мирах: на облаках и в сердцах близких. Так все и вышло. Я очутился на небе и стал капитаном большого корабля. Моя последняя мечта сбылась. Как? Читайте историю, и я научу вас улыбаться облакам и радоваться жизни.

ISBN 978-5-00-516217-5

© Ткачева О.

© Издательские решения

Содержание

В онкологии очень важна радость	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Я продолжаю жить!

Ольга Ткачева

Редактор Елена Мельникова

Иллюстратор Наталья Васильева

Дизайнер обложки Наталья Васильева

Корректор Елена Морозова

© Ольга Ткачева, 2020

© Наталья Васильева, иллюстрации, 2020

© Наталья Васильева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6217-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В онкологии очень важна радость

Марина Кузьмина, врач:

«В клинике, где я работаю, есть врач – пожилой мужчина, опытный онколог. Человек, который видел смерть в лицо и знает всю статистику. В его кабинете сто тысяч людей рыдали навзрыд. От таких эмоций у любого побегут мурашки по коже, даже если просто пройти рядом. Но я не видела этого врача подавленным или угнетенным, потому что он выбрал образ шута.

Да, он бывает веселым и даже беспечным. Он шутит, смеется, подключает фантазию. Дает оптимистичные, порой, нереалистичные прогнозы. Подтрунивает над коллегами, прибегают к черному юмору. Скажете: чокнутый? Нет, для меня он гений! Он создает образ «веселого онколога», чтобы не поддерживать эмоции горя, безнадежности и страха. Он сознательно смещает фокус внимания с негатива и пытается зародить в людях мысль, что онкология не равняется смерти, что в ней тоже есть ЖИЗНЬ!

Он веселится – каждый день, каждую смену и своим поведением учит людей смотреть на болезнь с другого ракурса. Когда я поняла, что он делает, это перевернуло и мое мировоззрение тоже!

Сохранять радость жизни – вот что важно для любого врача-онколога, психолога и всякого человека, работающего с онкобольными. Понимаете, у этих людей есть только «сегодня», а оно заключается в мелочах. Хорошая погода, вкусная еда, интересная книга или встреча – с ними важно говорить об этих простых вещах. Из них соткана жизнь. А замечать такие мелочи можно, только когда сам не утратил способность им радоваться.

Вот почему онкология кажется мне самым крутым разделом медицины. В нем, как в самом сложном, как в самом сильном по отрицательным эмоциям разделе, содержится невероятный потенциал для душевной силы, для жизни! И этот потенциал не способна уничтожить смерть. Поэтому для онкобольных нужно писать книги, сочинять стихи, рисовать картины, приглашать к ним клоунов. Делать что угодно, что нравится, что умеешь, главное – с правильным настроем. С настроем подарить им сегодня, сейчас несколько минут живых эмоций, чтобы они почувствовали, как продолжается их жизнь».

*Посвящается всем, кто потерял
или боится потерять своих близких*

Глава 1

Летом я особенно любил наблюдать за облаками. Знаете, разглядывать их совсем не скучно. Иногда они казались мне белыми барашками – точь-в-точь такими же, как в стаде знакомого аташки¹ Али. Я представлял, как они путешествуют по свету и видят все моря и океаны. Много раз я мечтал отправиться с ними. И вот я здесь. Мне только что исполнилось двенадцать, и мой мир перевернулся. Теперь я сижу на облаке и смотрю на землю. Разглядываю места, где живут мои родные люди. Они, как и я когда-то, ходят босиком по скошенной траве. Слушают щебет птиц по утрам и спешат к завтраку, едва аромат свежее испеченного хлеба наполняет дом.

Сколько себя помню, хлеб всегда пекла мама. Вкуснее я не ел ничего на свете! Она любила готовить и проводила на кухне все свободное время. Семья у нас была большая – пять человек, но хлопоты у плиты доставляли маме радость. Даже обычный завтрак она превращала в маленькое волшебство. Застилала стол белоснежной скатертью, расставляла чашки с маками, а в центр ставила пиалу с вареньем. Больше всего я любил клубничное. Бывало, прибегу на кухню, сяду на стул и тихонечко, чтобы волшебство не рассеялось, наблюдаю, как мама накрывает на стол. А мама намазывает масло на ломтики хлеба, поглядывает на меня и улыбается. В эти минуты мне становилось радостно и сердце стучало быстрее. Отчего? И сам не знаю. Чуть позже на кухню приходили папа и сестры. Мы усаживались пить чай. Папа шутил, а я макал кусочки теплого хлеба в клубничное варенье и закрывал глаза от удовольствия.

Как-то в середине лета мама попросила меня и папу сходить к старой урючине и набрать ягод для абрикосового варенья. Дорога к дереву проходила мимо луга, на котором аташка Али пас своих овец. Я познакомился с ним ранней весной, когда мы переехали в этот дом, и я стал бегать на речку с соседскими мальчишками. Там мы с ребятами пускали кораблики, строили запруды, а по дороге домой я обязательно останавливался, чтобы поздороваться с аташкой – высоким, седовласым чабаном в длинном расшитом узорами чапане². Он рассказывал интересные истории, но глаза у него почему-то всегда были грустными. Всякий раз я хотел развеселить аташку, но поговорить долго нам никак не удавалось. Может быть, сегодня, если мама отпустит меня за урюком одного, я смогу задержаться у него подольше и чем-нибудь его рассмешу?

В тот год мне исполнилось шесть лет, и я решил показать маме, что могу вполне справиться с делом для взрослых самостоятельно. После завтрака я выбежал во двор, нашел подходящее ведро и наполнил его водой из арыка.

– Мама, смотри, мне нетяжело, – сказал я, поднимая ведро двумя руками. – Можно я сам схожу за урюком?

– Совсем большой стал, – улыбнулась мама, – придется отпустить.

Чувство радости наполнило меня теплом от пальцев на ногах до самой макушки! Мне хотелось поскорее выскочить на улицу и закричать: «Ура-ура!» Ведь мое желание исполнилось, а когда желания исполняются, то больше всего на свете хочется кричать и прыгать от радости. Уж я-то знаю! Я так же скакал, когда папа принес в конце зимы рыжего щенка, завернутого в куртку. Я назвал его Шариком и всю весну брал с собой на речку. Вот и сегодня позову его с собой.

¹ Ата в переводе с казахского языка означает «дед, дедушка». Аташка – уважительное обращение к мужчине пожилого возраста.

² Чапан (или шапан) – старинная казахская верхняя длиннополая одежда с рукавом. Расшивается национальным орнаментом.

Я подошел к деревянной будке у забора, заглянул в окошко и важно скомандовал:
– Шарик, за мной! Мы идем собирать урюк вдвоем!

Шарик тут же выскочил и завилял хвостом, как будто понял, какую радостную новость я ему сообщил.

Старая урючина росла у речки, недалеко от дома. Дорогу к ней я знал прекрасно и бежал со всех ног, чтобы поскорее набрать ягод и встретиться с аташкой. Своего дедушку я видел редко, он жил в городе, и мне его очень не хватало. Наверное, поэтому я полюбил приходить сюда. Через истории, которые рассказывал аташка, я понимал, что жизнь бывает разной и в ней есть место добру и злу, радости и грусти, а за темной ночью наступает светлый день.

У аташки была нелегкая судьба: его отец погиб на войне, а сам он с одиннадцати лет помогал матери в колхозе – пас овец. По совершеннолетию женился, но Бог так и не дал им с женой детей. Когда аташка говорил об этом, глаза его темнели. Зато к нему на луг сбегалась детвора со всей округи. Аташка рассказывал сказки и угощал ребят конфетами, которые всегда водились в карманах его потертого чапана.

А еще этой весной у него в отаре родился черный ягненок, и аташка назвал его Цыган. Малыш так забавно крутился на месте и так ловко отстукивал ножками, что со стороны движения походило на зажигательный танец. Мы с мальчишками собирались на него посмотреть и смеялись от души, а аташка говорил, что такого ягненка за все время, что пасет овец, не встречал и тоже смеялся. Потом ягненок вырос и танцевать перестал, но мы вспоминали его «номера» и снова смеялись. Вот только глаза у аташки все равно быстро становились грустными.

Урюк созрел и начал опадать. Придя под дерево, я перво-наперво собрал самые красивые, немятые ягоды в траве, а потом взобрался повыше и потряс большую ветку. Урюк солнечным градом затарабанил о землю. Шарик звонко лаял и пытался схватить ягоды зубами. Я спустился и быстро наполнил ведро. «Этого маме точно хватит для варенья», – подумал я и поспешил к аташке. Схватился за ручку, но с большим усилием оторвал ведро от земли.

– Вот жеж тяжелое! – выдохнул я. – С водой, казалось, было легче. Но ничего, донесу. Шарик, идем!

Как бы я ни торопился, ведро не давало ускорить шаг. И когда до поляны с высоким карагачем оставалось пару метров, я заметил аташку и закричал:

– Ата, ата, это я!

Чабан обернулся и помахал мне рукой. Увидев, что я волоку тяжелое ведро, аташка пошел мне навстречу.

– Что же ты один, Равиль? – удивился ата. – Неужто не нашлось никого покрепче и постарше пойти за урюком?

– Я сам так захотел, – сказал я важно.

– Вот те раз! – всплеснул руками ата. – И мама тебя отпустила?

– Конечно! Я показал ей, что сильный, как папа, – продолжал я гордо.

– Давай помогу, силач, – засмеялся аташка и взялся за ручку ведра с другой стороны.

– Мне совсем не тяжело, – оправдывался я, – просто я очень спешил и выдохся немного.

– А куда спешил? Домой?

– Нет, к тебе, – ответил я и отчего-то смутился, а аташка расплылся в улыбке – широкой и доброй. Мне понравилось, как в этот миг преобразилось его смуглое лицо: оно как будто засветилось солнцем, а глубокие морщины стали глаже. Он взглянул на меня нежно и сказал:

– Ну пойдем под карагач, отдохнешь в прохладе.

Аташка скинул с плеч чапан и постелил его на землю. Мы сели рядышком, укрывшись от жаркого солнца в тени раскидистого дерева. Ели сочный урюк и угощали Шарика.

– Забавный он у тебя, – улыбнулся аташка, – первый раз вижу, чтобы собака ела урюк.

– А я никогда не видел, как танцуют ягнята, – кивнул я в сторону Цыгана, и мы засмеялись. – Знаешь, ата, когда я вырасту, тоже заведу себе отару, – сказал я серьезно. – И буду пасти ее на этом же лугу, рядом с тобой.

Ата засмеялся, погладил мои черные кудряшки и сказал:

– Хороший ты мальчик, Равилька. Не подарил мне Бог внуков, зато с тобой я не чувствую себя одиноким.

– Ата, а давай истории про облака придумывать?

– Давай. Облака сегодня красивые.

Я поднял голову и протянул вверх указательный палец:

– Смотри, ата, это облако похоже на хроющую лошадь в яблоко, а то, другое, вылитый белый барашек. Наверное, у него такая же мягкая шерсть, как у твоих овец. А вон еще один барашек, и еще. Да тут целая отара!

Я даже привстал, пытаясь их всех сосчитать.

– А ты знал, что на море тоже есть барашки? – спросил ага.

– Нет, – удивился я.

– Так называют белые завитки на волнах, потому что они похожи на шерсть барашков.

– А кто их пасет?

– Ветер-проказник, он за ними приглядывает.

– Как бы я хотел увидеть морских барашков! Я ведь знаю названия всех океанов и морей, но видел их только на картинках.

– погоди, подрастешь немного и обязательно увидишь.

Я снова почувствовал, как теплая ладонь коснулась моей головы.

– Ты, главное, не предавай свою мечту, помни о ней.

– А ты мечтаешь о чем-нибудь, ата?

– Я прожил долгую жизнь, многое повидал, но одну мечту все же хранил в своем сердце. И сбылась она благодаря тебе, – сказал ата и так сильно прижал меня к груди, что я услышал, как стучит его сердце.

Мы просидели в тишине несколько минут. Больше он ничего не говорил. Но я понял, что стал для него не просто знакомым мальчишкой. Я стал ему внуком, о котором он долго мечтал.

Громкий лай Шарика прервал наше молчание.

– Пора идти домой, – с грустью сказал я, – иначе мама будет волноваться.

– Иди, Равиль, еще увидимся, – ответил аташка и заботливо спросил: – Помочь тебе с ведром?

– Нет, я хочу сам, – решительным тоном сказал я и взглянул на небо, чтобы попрощаться с облаками.

Там простирался океан! Облака, как морские барашки, бежали от старого карагача далеко за речку. Я постарался запомнить, как они выглядят, чтобы потом нарисовать. Очень уж захотел сохранить этот счастливый день в памяти аташки. «Нарисую это небо, – подумал я, – и карагач. А под ним себя и аташку. Мы сядем обнявшись и станем считать облака. А рядом будет вытанцовывать черный ягненок по прозвищу Цыган. Думаю, глядя на рисунок, аташка засмеется. И из его глаз навсегда исчезнет грусть».

– Я скоро вернусь, – сказал я аташке, взял ведро и пошел домой.

Глава 2

В тот день у папы был выходной. А выходные обычно мы проводили вместе: рисовали, убирались во дворе или обустроивали мастерскую. Мы сделали ее из старого сарая. Он приглянулся нам сразу же, еще когда мы всей семьей приезжали смотреть дом перед покупкой. И хотя хозяева забили сарай от пола до потолка ненужными вещами, снаружи он выглядел большим, а значит, и внутри могло быть довольно просторно.

– Будет где развернуться, – подмигнул мне папа.

После переезда мы знатно потрудились: вытащили из сарая мусор, покрасили стены, вымыли окно, навесили полки, соорудили верстак и стол для рисования, подправили просевшую дверь и разложили инструменты. За несколько выходных темный сарай превратился в светлую и уютную мастерскую. Оставалось только покрасить наружные стены.

– Папа, папа! – закричал я, входя во двор через калитку.

– А, Равиль, – улыбнулся папа. – Что же ты один пошел за урюком, без меня?

– Хотел показать, что я уже большой и сильный. Такой же, как ты! – ответил я и поставил перед папой ведро спелых ягод.

– И как, тяжело, наверное, было столько нести?

– Тяжело, – признался я и добавил шепотом: – Только маме не говори, пожалуйста.

– Хорошо, – засмеялся папа, – не скажу. Поможешь мне сегодня?

– Конечно, – обрадовался я. – А что мы будем делать?

– Подготовим стены мастерской к покраске. Их надо ошкурить и нанести грунтовку. Держи наждачную бумагу и повторяй за мной.

Я взял кусочек наждачки, встал рядом с папой и стал водить по доскам, как он показал. Ошметки старой краски и пыль полетели во все стороны. Я даже зажмурился, чтобы мусор не попал мне в глаза.

– Не спеши, – предостерег меня папа, – чтобы заноз не нахватать.

Я смотрел на него и восхищался: как здорово у него все получалось! Папа многое умел: и строить, и вырезать по дереву, и рисовать. Он никогда не сидел без дела: все время что-то мастерил, придумывал. А я ему помогал. Вместе мы сделали стол для кухни и стулья. Поставили новый забор и выложили из камней дорожку от калитки к дому. Выкопали маленький пруд и повесили качели. Благодаря папиным заботам в новом доме становилось все удобнее и лучше.

– Равиль, в какой цвет ты бы хотел покрасить мастерскую? – спросил папа.

– В зеленый, – тут же ответил я.

– В какой зеленый? Как цвет травы или в изумрудный, как вода в нашем пруду?

Я перестал шкурить и задумался. Папа знал, что я различаю множество оттенков и даже подписываю все свои карандаши. Внешне их цвета выглядели схожими, но оттенки при рисовании получались разными, поэтому я наклеивал на карандаши бумажки с названиями цветов, чтобы не путать их друг с другом.

– Может быть, покрасим в оливковый? Только не знаю, какой лучше: в темный или светлый?

– А ты покажи на своих карандашах, тогда и выберем, – предложил папа.

– Хорошо, я принесу их. И давай, когда закончим грунтовать, порисуем?

– А давай, – согласился папа. – Ты пока беги за карандашами и альбомом, а я доделаю эту стенку и буду ждать тебя в мастерской.

Я побежал к дому. Так спешил, что перепрыгивал через одну ступеньку лестницы, чтобы поскорее добежать до комнаты: детские были на втором этаже. Влетел и повалился на кровать ничком в подушку. Только сейчас я заметил, как устал. «Но рисовать все равно пойду, – сказал я сам себе. – Полежу пять минут и побегу назад, в мастерскую». Там всегда проходила усталость и я становился волшебником. На белых листах в считанные минуты оживали чьи-нибудь мечты и рождались увлекательные истории, которых прежде не существовало. Карандаши были моей волшебной палочкой, а ловко управляться с ними научил меня папа. Нам нравилось рисовать вместе. Мы часто уединялись в мастерской и придумывали истории на бумаге.

Однажды в моем альбоме поселилась милая старушка с таксой. Они жили в Лондоне, на маленькой улочке, и каждый день под вечер прогуливались в парке. Старушка надевала синий плащ, шляпку с вуалью, брала в руки крохотную сумочку, поводок и выходила на улицу. Такса, я назвал ее Молли, была любопытной и юркой. На прогулке она все время норовила засунуть нос то в цветущие кусты, то в открытые двери магазинов. Старушка едва заметно одергивала поводок, и Молли покорно возвращалась к ее ногам, чтобы степенно вышагивать рядом с хозяйкой. Но через пару минут снова со всех лап, забыв о приличиях, устремлялась к любопытному предмету. Поводок резко дергался в руке старушки, и вуаль на шляпке вздрагивала. По парку они делали ровно один круг, а затем непременно заходили в булочную. Старушка покупала горячую выпечку, и они шли домой пить чай с клубничным джемом.

– Таким же вкусным, как мама подает нам на завтрак? – спросил тогда меня папа.

– Да! – засмеялся я.

С папой мы не только рисовали, но и вырезали фигурки из дерева, лепили из пластилина. Наша коллекция красовалась на полке в мастерской. Там были разные животные: собаки, лисы, барашки и, конечно, мои любимые медведи. Я слепил их больше десяти, и ни один не повторял другого. Я даже дал им имена. Здоровяка, стоящего на задних лапах, назвал Буг, как в мультике «Сезон охоты», а толстяка с белым животом – Балу. Были среди них и мудрый Потапыч, и добродушный Мишутка, и неуклюжий Топтыгин. С ними я тоже сочинял истории. Папа помогал мне вначале, а потом переключался на свои дела. «Вот и сегодня он, наверняка, опять придумает что-нибудь интересное», – подумал я, поднялся с кровати, взял карандаши, альбом и побежал в мастерскую. Силы вернулись.

- Что будешь рисовать? – спросил папа, когда я вошел.
- Рисунок для аташки.
- Того, который пасет овец на лугу с карагачем?
- Да. Сегодня мы с ним вдоволь поболтали.
- Он снова рассказывал сказки?
- Нет, мы смотрели в облака и говорили о мечтах. Пап, представляешь, он сказал, что я осуществил его мечту!

– Вот как? И какую же?

– Стал ему внуком.

Папа улыбнулся и погладил меня по голове:

– Выходит, и мою мечту ты тоже исполнил. Я мечтал о смышленном, добром мальчишке, и появился ты.

– Значит, мечты действительно сбываются? – оживился я.

– Сбываются. Надо только искренне в них верить. А еще, скажу тебе по секрету, мечты исполняются, если их рисовать.

– Ух ты! Тогда я нарисую рисунок для аташки, и он перестанет грустить! – обрадовался я.

– А ты сам о чем мечтаешь? – спросил меня папа.

– О домике на дереве, – сказал я, раскладывая карандаши. – Хочу, чтобы там был шалаш и смотровая площадка с настоящим штурвалом, как на корабле. Я буду оглядывать двор из бинокля и представлять, что вокруг меня море.

– Слушай, – повернулся я к папе, – а если я все это сейчас нарисую, то моя мечта сбудется?

– Попробуй, – хитро улыбнулся папа. – А я нарисую новую будку для Шарика. Как, по-твоему, он о ней мечтает?

– Я думаю, очень, – рассмеялся я.

Глава 3

День пролетел незаметно. После ужина я поднялся в свою комнату и стал ждать маму. Каждый вечер она приходила ко мне перед сном. Мы разговаривали о том, как прошел день, а потом читали книжки. Мне нравилось, когда читала мама. Я и сам умел, но у нее получалось интереснее. Мамин голос звучал негромко и так нежно, что даже самые злые герои вызывали улыбку и симпатию.

Больше других мне нравились книжки о кругосветных путешествиях. Я часто представлял свою кровать огромным кораблем и мечтал доплыть до острова с настоящими пиратами. От мыслей о возможных сражениях, поисках сокровищ и штормах у меня всегда захватывало дух. Я взял со стола рисунок с домиком на дереве и еще раз на него посмотрел. «Вот будет здорово, когда моя мечта исполнится», – подумал я и перевел взгляд на большую карту, которая висела над моей кроватью. Ее подарил мне папа. Каждый день я разглядывал материки и океаны и представлял, как однажды побываю на всех континентах. А пока отмечал фломастером страны и моря, названия которых выучил.

На часах было почти десять. Мама должна вот-вот прийти. «А что если сыграть с ней в прятки?» – вдруг подумал я и посмотрел на большой коричневый шкаф. Этот блестящий великан на коротких ножках достался нам от бабушки. Я часто в него прятался, когда хотел побыть один. Внутри было просторно, темно и спокойно, как в шалаше или трюме корабля. Я забрался в шкаф и замер. Мама пришла и стала медленно ходить по комнате. Заглянула под кровать, отодвинула штору. И вот ее шаги слышны совсем близко, у шкафа... Еще секунда – и она откроет дверцу! Сердце мое громко застучало, я не выдержал и выскочил с криком:

– Мама, мамочка, я здесь! Потеряла меня?

– Тебя невозможно потерять, – засмеялась она в ответ на мой залиvistый смех.

– Почему? – удивился я.

– Потому что ты всегда будешь жить здесь, – и мама коснулась груди, – в моем сердце.

– А ты в моем, – сказал я и прижался к ней что было силы. – Признайся, ну хоть чуточку испугалась тому, что я исчез?

– Конечно, испугалась, – улыбалась мама. – Выдумщик ты мой, ложись в постель, а я возьму книжку со сказками.

– Мам, а давай я сегодня сам расскажу тебе сказку?

– Какой самостоятельный: и за урюком сам, и сказку сам, – снова засмеялась мама. – Ну хорошо! О ком будет твоя сказка? О принце, который прятался в шкаф, или о герое, который чуть не надорвался, пока нес ведро?

– Нет, – смутился я (интересно, откуда она узнала о ведре?), – сказка о человеке, который любил мед.

– И что с ним приключилось?

– А вот слушай, – сказал я и напустил на себя серьезный вид. – Пошел как-то этот человек за медом в лес. А в том лесу медведь водился. Без ружья идти было опасно, пришлось взять. Шел он медленно, все по сторонам оглядывался да к шорохам прислушивался. Далеко зашел в лес и увидел дерево. А на нем улей низко так висит, только руку протяни, и можно мед достать. Аккуратно снял он улей с дерева, вот, думает, меда добуду, как сзади раздался рев медведя. Да такой громкий и страшный, что он улей из рук тут же и выронил. Пчелы выле-

тели, закружились над ним черной тучей, стали жалить со всех сторон. Человек бросил ружье, замахал руками и побежал от улья прочь. И только когда дома оказался, понял, что остался без ружья и без меда.

Мама засмеялась:

– Замечательная сказка!

Я очень любил ее смех. В такие минуты я чувствовал себя самым счастливым на свете.

– А ты бы испугался медведя в лесу?

– Неа! И ружье не бросил бы!

– Ты мой маленький герой! – протянула мама нараспев и обняла меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.